

БОЛЬШОЙ УСПЕХ ДРУЗЕЙ!

С 1 по 10 октября на сцене нашего театра проходили гастроли оперного театра города-побратима Дрездена.

Гастроли наших друзей превратились в большое и радостное событие в музыкальной жизни Ленинграда. Программа была построена очень умно и тонко, в результате чего наши зрители и все мы, оставшиеся для работы в Ленинграде, получили полное представление о творческом лице коллектива дрезденцев, об их поисках, достижениях, об их сильных и не очень сильных сторонах.

Детальный разбор каждой постановки, история создания произведений, подробный перечень действующих лиц и исполнителей всех спектаклей мы можем уже найти в статьях нашей прессы. И не ставлю перед собой такой задачи. Многие из нас видели наших гостей не только из зала. Мы разглядели их «в упор», познакомились, подружились, обогатились опытом, и мне кажется целесообразным рассказать именно об этом.

Для всех нас гастроли начались не 1 октября, а 28 сентября. Во всех помещениях театра появились таблички и указательные стрелки, которые любого посетителя безошибочно вели по сложным лабиринтам театра.

В первый же день доска объявлений украсилась подробным графиком работ и репетиций (с 8 часов утра до 23 часов), и все как-то деловито и спокойно вошло в нормальную рабочую колею. Никакой суеты, беготни и неразберихи. Репетиции поражали собранностью и отдачей. Никаких «вполноги», ни разу не было слышно пастойных вызовов исполнителей на сцену.

Не успевали поставить декорацию картины или акта, как тут же появлялись солисты, артисты хора, мимансы и без подсказки начинали осваивать площадку, прикидывать мизансцены. А появление в зале директора и главного режиссера оперной группы Харри Купфера было самым надежным сигналом начала репетиции. Он (забегая вперед) сказал и настоящим героем гастролей. Это очень талантливый режиссер с четким почерком, безошибочным чутьем и знанием музыкальной драматургии. Все три его спектакля — «Фиделио», «Фальстаф», «Мельница Левина» вызвала бурный прием у ленинградцев.

И особенно хочется отметить редкий факт: сложные и очень четко выполненные мизансцены «Фальстафа» и «Мельницы Левина» воспринимались настолько органично и как само собой разумеющееся, что приходила в голову мысль о блестящей актерской импровизации. Так «раствориться» в актере — большая заслуга Харри Купфера. И я с удовольствием это отмечаю.

Итак, 1 октября прозвучал «Фиделио» Бетховена. Интересный режиссерский спектакль, с хорошо и лаконично «пойманным» образом в оформлении, идущий в хорошем темпе, живой, эмоциональный и... очень простой. Постановщики пользуются очень простым приемом. Громадный каменный колодезь, по диагонали освещенный солнцем — общая установка на 1 акт. Это и адрес — тюрьма, это и образ — символ.

Умное, живое действие, с отличным общением партнеров, с массой интересных деталей, великолепно ложащихся на образы и ситуации. Все так ясно и логично, что незнание языка почти не ощущаешь даже в деталях, тон-

Б. КАЛЯДА, режиссер,
з. а. РСФСР, лауреат
Государственной премии СССР

костях. Прекрасно звучащий оркестр, тонкие и удивительно четкие ансамбли (дирижеры: Зигфрид Курц, Херберт Бломстедт, хормейстер Франц-Петер Мюллер-Зибель). И все это при том, что гости не демонстрировали нам сверхголосов. На каждом шагу приходила мысль, как та или иная партия могла бы прозвучать у некоторых наших певцов. Но в комплексе музыкально-сценическом спектакль произвел на всех самое лучшее впечатление.

Сразу же хочется сказать, что иногда звучащие разговоры о «сложности» акустики нашего театра были опровергнуты нашими гостями начисто. Каждая фраза, каждое слово, каждый нюанс был донесен до зрительного зала без малейших потерь. Согласованность звучания оркестра и вокалистов была идеальной.

«Фальстаф» Дж. Верди — очередная победа Харри Купфера. Это море блеска и фантазия. Но самой большой победой коллектива являлась сама мысль постановки этой оперы и очень хотелось бы думать, что мысль эта была подсказана наличием в группе такого выдающегося исполнителя на заглавную партию, как Вернер Хазелай.

Последнее произведение великого Верди требует очень высокой музыкальной культуры ансамблей, не менее высокой актерской и сценической культуры, культуры виртуозной. И наши гости этими качествами обладают в избытке. Но при всем этом «Фальстаф» не поставить без Фальстафа. И именно Вернер Хазелай явился откровением этого спектакля. Бесконечная остроумнейшая импровизация и лишь те, кто видели спектакль не один раз, поняли, как точно вся эта импровизация сделана. Конечно, за всем этим стоит кропотливая и вдумчивая работа постановщиков и коллектива, и вот результат, который видит зритель, — блестящий, веселый, умный, исключительный спектакль. А какая за всем этим стоит творческая дисциплина!

Спектаклем, вызвавшим самый бурный прием у ленинградцев, оказалась опера Удо Циммермана «Мельница Левина». Спектакль современный, остро социальный, написан сложным, современным музыкальным языком. И опять поражают актеры-певцы, великолепное общение на сцене, свобода музыкальная, сложное многоплановое построение мизансцен и их безупречное и очень наполненное актерское выполнение.

Конечно, это в первую очередь заслуга все того же Харри Купфера, но одно дело придумать и поставить, а другое — так исполнить всю эту сложнейшую музыкально-сценическую ткань.

Хотелось бы отметить очень широкий диапазон актерских амплуа. С некоторыми исполнителями «Мельницы Левина» мы уже были знакомы, и новая встреча с ними приятно порадовала. Легкомысленная, доверчивая, несколько взбалмошная Марцеллина из «Фиделио» превратилась в натуре глубокую, полную драматизма в этом спектакле (арт. Хельга Термер — Мария в «Мельнице Левина», Марцеллина в «Фиделио»). Насколько это за-

слуга режиссера, а насколько актрисы — трудно сказать. Но отрадный факт такой «метаморфозы» отметить надо.

Композитор Удо Циммерман вырос в этом коллективе, где начал работу в свое время артистом хора. В 32 года он уже автор 3 опер. «Мельница Левина» — последняя. Работа над произведением, по словам Харри Купфера, началась с первой фразы либретто. 5—6 месяцев шла музыкальная работа и 2 месяца — режиссерская (ничуть не меньше, чем над «Фиделио» или другой оперой).

К работе приступили лишь тогда, когда произведение было закончено во всех деталях и ни в чем не вызвало разногласий и требования переделок.

...И, наконец, мы услышали «Воицека» — Альбана Берга. Это произведение живет на сцене уже 50 лет, но почти не известно нашему слушателю (хотя в 1927 г. в нашем театре была осуществлена постановка этой оперы, но протерзалась на сцене очень недолго). Для наших гостей это классика, а нам сложнейший музыкальный язык Берга задавал много головомолок. Его нужно изучать, вникать и научиться любить. Повторяю, это что-то очень сложное и очень непривычное для уха, воспитанного в основном на классических русских и западных произведениях. И как с этим сложнейшим материалом справляются дрезденцы!

Карл Хайнц Стрычек (Воицек), Хорст Хистерман (Капитан), Гизела Шрётер (Мария), Гюнтер Дресслер (Доктор), Рейнер Гольдберг (тамбурмажор) — большие мастера, заслуживающие самой высокой оценки.

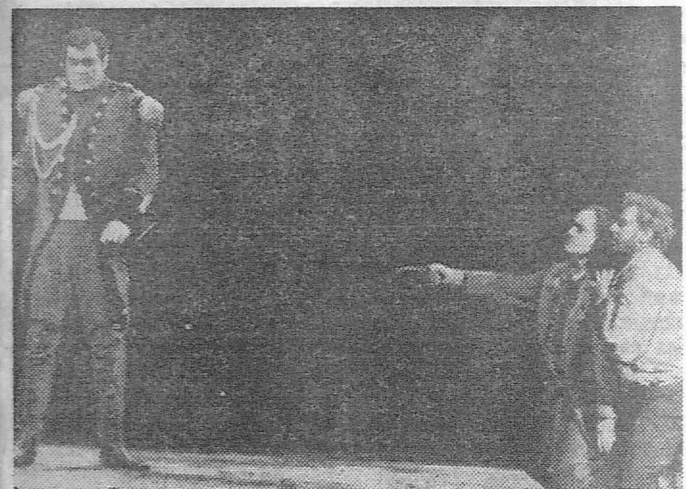
Яркие образы, виртуозно исполненные сложнейшие вокальные партии. Что касается сценического решения спектакля Кристианом Пепельрайтером — тут возникает сложность. Традиция исполнения этой оперы мне неизвестна, я живу о том, что мы все впервые увидели. Коротко можно сказать вот что: незнание языка превратило меня в слушателя. Понять логику действия можно было очень примитивно, а главная соль и нюансы ускользали. Внешне спектакль выглядел обычно и, не слыша его, а только видя, можно было бы предположить, что здесь может быть музыка любого знакомого автора (даже классика), таков внешний, актерско-сценический язык спектакля.

Но принципиально новое звучащая музыка вступает с этой формой в контраст. Я пишу так не потому, что знаю, как это надо ставить, отнюдь нет. Тут скорее возникает ощущение, что этот музыкальный язык нужно не так решать. Это лишь общая фраза, но на большее пока что трудно решиться. Да и всегда проще критиковать, чем предложить или сделать.

Вся эта масса самых разнообразных впечатлений от спектаклей переплетается с воспоминаниями об откровенных беседах, в любом месте и в любое время. И очень знаменательно, что в основном всех интересовало решение современной оперной темы.

Такой псевдолободневный вопрос, как «кризис жанра» и «что делать с классикой» даже не возникал. У нашего жанра есть великие традиции и нужно искать им достойное продолжение.

А разве можно забыть встречи наших немецких друзей с рабочими ленинградских предприятий, их теплые выступления, арию

Ленского на русском языке и воисторж аудитории после исполнения Шпифком романа Свиридова «Есть одна хорошая песня у солдушки...»

Мы отметили вместе с нашими немецкими друзьями знаменательное событие — 25-летие образования ГДР. Так тепло, просто и сердечно прошла эта встреча!

Постоящая, крепкая дружба родилась между нашими коллективами. Да и как ей не возникнуть, если болеем мы одним ищем по-разному, может быть но одно и то же — новые пути развития всем нам дорогого искусства. И в результате даже языкового барьера между нами нет. Язык у нас один — язык оперы.

НА СНИМКАХ сцены из спектаклей. Сверху вниз: «Фальстаф»: Рольф Хаунштайн — Форд, Карл-Фридрих Хельке — доктор Кайус, Гюнтер Неф — Бардольф, Гюнтер Дресслер — Пистоль; «Воицек»: Карл Ханс Стрычек — Воицек, Хорст Хистерман — капитан, Гюнтер Дресслер — доктор; «Фиделио»: Ингеборг Цобель — Леонора, Рейнер Гольдберг — Флорестан, Эккерхард Влашиха — Пизарро; «Мельница Левина»: Вольфганг Хольмх — Лео Левин, Гюнтер Дресслер — Хабеданк, Хельга Термер — Мария.